

С.И.Бобылева

Днепропетровский национальный университет

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в. О РОССИЙСКОМ НЕМЦЕ

На основі різноманітних джерел проаналізований стан громадської думки Росії стосовно німців, які мешкали на її території. Простежена трансформація громадської думки, окреслені етапи трансформації та вказані головні фактори, які впливали на зміну ставлення росіян до етнічних німців.

Каждый народ, взаимодействуя со своей средой обитания, вырабатывает понимание того, что такое окружающий мир, что такое человек, в чем смысл и цель его жизни, правила взаимоотношений внутри народа, свой язык, склад мышления, способы ведения хозяйственной деятельности, государственный и общественный строй, культуру и быт, устанавливает взаимоотношения с другими народами.

Украина, как и Россия, является полиэтничным государством. Социальное здоровье этих государств во многом зависит от гармонизации межнациональных отношений в них. Немецкое население, массовое переселение которого в пределы России началось с петровских времен и с большой степенью интенсивности продолжилось екатерининскими манифестами второй половины XVIII в., и сегодня является одним из элементов, присутствующих на этнической карте этих государств. «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее...», – писал Н.М.Карамзин.

В данной статье предпринята попытка анализа общественного мнения России конца XVIII – начала XX вв. в его отношении к образу немца. Тем более, что в течение этого времени произошла определенная трансформация общественного мнения в отношении этого субъекта.

Проблема образа немца в России неоднократно поднималась в ряде работ историков¹, филологов², социологов³. Однако анализ влияния общественного мнения на образ немца в общественном сознании, и в свою очередь, обратное влияние оставалось до сих пор вне поля зрения историков.

Итак, что такое общественное мнение? В отечественной и зарубежной литературе встречаются различные определения этого явления. При этом одни делают акцент на духовность, другие на субъект и объект об-

публичного мнения. Встречаются определения, где доминируют вопросы направленности на решения проблем в обществе, интересы различных социальных групп, количественные и качественные признаки⁴. Нам представляется наиболее удачным с точки зрения историков положение о том, что «общественное мнение – это мнение части общества, выражаемое публично (официально или неофициально) от имени общества, способное оказывать влияние на политическое решение правительства»⁵. В этой формулировке термин «общественное мнение» (от англ. Public opinion) максимально приближен к своему первоначальному определению, высказанному Д.Солсбери.

Необходимость обращения к анализу определений объясняется сложностью феномена общественного мнения вообще и этого явления в России, в частности. Ибо, как отмечает Б.А.Грушин, «общественное мнение не поддается описанию, неуловимо для определения..., его трудно измерить и невозможно увидеть; оно напоминает атмосферное давление, невидимое невооруженным глазом, но весьма чувствительное».

Всякое общество, в том числе и российское рассматриваемого периода, было представлено далеко не равнозначными социальными субъектами, социальными слоями, каждый из которых имел свое суждение. В этом случае утверждать, что общественное мнение есть мнение всего общества, было бы по крайней мере странным. Речь скорее всего может идти о том, что общественное мнение теоретически является совокупностью мнений различных социальных, общественных групп, соединенных чем-то общим, доминирующим, общественно значимым. В данном случае таким общим знаменателем выступал немец, достаточно плавно трансформировавшийся в «немецкий вопрос».

По мере политического, социально-экономического развития общества возрастает его стратификация, усложняется механизм выработки общественного мнения. В России второй половины XVIII в. общественное мнение в основном было представлено официальными кругами. Российские просветители, представители российской науки еще не обладали тем общественно значимым весом, который может быть означен как самодостаточное общественное мнение.

Тем не менее идеи камерализма, разделявшиеся политическими кругами Англии, Австрии, Пруссии, постепенно становились достоянием и российской общественности. Однако ни результаты миссии в Восточную Пруссию сенатского секретаря Сукина, ни предложения саксонского генерала Вайсбаха не были восприняты официальными кругами России. Правительственная комиссия во главе с канцлером А.П.Бестужевым-Рюминым продолжала упорный поиск наиболее приемлемых проектов, способных быстро дать желаемый эффект. В ее «портфеле» оказались

план де ла Фонтена, предложения де ла Ривье, проект Эйзена, практические шаги барона Корфа в Копенгагене по вербовке эмигрантов. И лишь приход к власти Екатерины II, синтезировав все проекты и предложения предшествующих лет, оказался способным сделать переселенческую политику реальной. При этом за основу была взята подобная практика, осуществлявшаяся ранее в Пруссии. Не считая усилий Петра I по привлечению в страну мастеровых, военных, служащих, предпринимателей, действия Екатерины II были практически принципиально новаторскими. Ибо речь шла о хозяйственном освоении регионов, осуществлявшемся в контексте мнения академика Шлёцера о том, что Россия «богата, плодородна и сильна», но ей не хватает людей⁶.

Екатерина II и ее ближайшее окружение, ликвидировав Запорожскую Сечь, понимали острую необходимость быстрого и эффективного вовлечения территорий так называемого Дикого поля в хозяйственную инфраструктуру страны. Этого требовали не только экономика, но и политика, военно-стратегические задачи государства.

Среди этнически пестрой волны переселенцев последней четверти XVIII в. выделялись немцы и прусские меннониты. Официальные круги России предприняли серьезные шаги законодательного характера для того, чтобы они поселились в ней. Причина была в высокой степени эффективности ведения хозяйства, присущей меннонитам, в географической близости немецких территорий, политических обстоятельствах.

Общественное мнение России того времени в отношении колонистов было представлено практически лишь дворянством, сплотившимся вокруг самодержавия. Дворянство в тот период не видело в колонистах какую-либо реальную угрозу своим социально-экономическим интересам. Российское купечество тоже довольно спокойно прореагировало на новопоселенцев. Вся остальная крепостная Россия, естественно, безмолвствовала. Тот факт, что царица-немка сделала акцент на приглашение немцев и меннонитов, тоже говоривших на немецком языке, в тот момент не был особо отмечен российской общественностью.

Что же касается официального общественного мнения, вольно или невольно оказывавшего в тот период влияние на все социальные слои российского общества, то конкретные шаги государства и его отдельных представителей формировали представление о целесообразности привлечения немецких колонистов в пределы империи, их полезности и позитивном характере влияния колонистских хозяйств на социо-культурную обстановку в обживаемых регионах. В пользу этого говорит само содержание царских манифестов, законодательных актов конца XVIII – начала XIX вв. Налоговые льготы, местное самоуправление, освобождение (на-

вечно) от несения военной и гражданской службы, наделение земель, гарантии конфессиональных и этно-культурных свобод – это и многое другое наглядно демонстрировало российскому обществу позицию государства. И эта позиция, безусловно, оказывала влияние на массовое сознание.

В таком же русле действовали и представители самодержавия на местах. Примером подобного служит позиция и поведение Новороссийского генерал-губернатора герцога де Ришелье. Можно сослаться на особое человеколюбие Ришелье, нашедшее свое проявление в отношении к колонистам, но факт остается фактом, что в подтверждение своих распоряжений, касающихся оказания помощи колонистам, он неоднократно писал о том, что «... император весьма дорожит успехом дела, которое, в конце концов, очень важно для сего края»⁷. Речь шла о том, что царь проявлял особую заинтересованность и внимание к судьбам колонистов. Примером служит награждение Александром I в 1819 г. С.Х.Контениуса лентой со звездой Св.Анны I степени за самоотверженное служение делу. Этот факт уже сам по себе подтверждает позицию официальных кругов страны в их отношении к немецким колонистам и меннонитам.

В то же время общественно-политическая, культурная обстановка в Европе сложилась так, что немецкая философия, немецкая система университетского образования, немецкая литература на рубеже XVIII–XIX вв. завоевали общеевропейское признание. И российское общество не могло не разделять того восхищения, уважения и даже преклонения перед передовой немецкой мыслью. Однако нас интересует российский немец. Но и он не может быть представлен однородной массой, ибо в первой половине XIX в. можно было четко вычленить городских немцев (занимавших высокие посты в армии, государственных административных органах), служилых немцев (аптекарей, врачей, учителей, портных, парикмахеров, ремесленников) и колонистов. Если немцы, занятые в армии и госаппарате, практически полностью интегрировались в российское общество и не вызывали особой реакции, то служилые и колонисты в силу целого ряда причин стали уже в то время предметом внимания.

Российское общество первой половины XIX в. стремительно дифференцировалось. И каждая из его социальных страт по-своему относилась к отмеченным нами категориям немецкого населения, имела свое представление о немцах. Это достаточно емко отражено в российской беллетристике 20–40-х гг. XIX в. Именно тогда появился немец как типажный герой. С одной стороны, черты его характера, внешности, поведения дублировались авторами, превращая эти черты фактически в стереотипы, с другой, немецкий типажный герой того времени являлся безусловно воплощением умонастроений того или иного социального слоя.

Можно попытаться суммировать качества российского немца, отметив черты его ментальности, на которые было обращено в те годы внимание писателей. Большинство из них именовали немца добрым, но при этом чувствовалась некая ирония либо подтекст, объясняемый явной несхожестью российских и чужеземных нравов: «... человек добрый, как большая часть его земляков..., он не делал зла и не гонялся за добром. Он... выплачивал исправно слугам жалованье, но вычитал за каждую разбитую рюмку..., не обманывал своих крестьян, но не давал больному даром порошка ревеню»⁸, «... он жил недалековидно и честно..., он умер спокойно, оставив по себе память доброго человека»⁹.

Добрый немец, добрая немка – устойчивое словосочетание в русской беллетристике тех лет. Большинство писателей, чьи произведения становились достоянием нового типа читателя первой половины XIX в. – средне- или малообразованного, не владеющего иностранными языками, но имеющего достаток и готового покупать и читать легкое чтиво на русском языке, в особенности книги, не требующие особых интеллектуальных усилий, создали образ доброго немца, для которого были свойственны основательность, аккуратность, опрятность, точность, принципиальность, пунктуальность, педантичность, честность, экономность, трудолюбие, расчетливость, хладнокровие, немногословность, чувство собственного достоинства. Общим для всех них была честность.

Иногда это качество превращалось даже в нарицательное типажное определение. Честному, «благородному немцу... дороже всего на свете» – его достоинство¹⁰. «Немец знает, что жена его верна, что дети его ходят в церковь, знает, что он не брал взятки, что он не притеснял бедных, что совесть его чиста»¹¹. Эти черты, по мнению писателей, были свойственны немцам вне зависимости от занимаемого ими места на социальной лестнице¹².

Поскольку грамотность населения России первой половины XIX в. оставляла желать намного лучшего, то и квинтэссенции российских беллетристов того периода становились достоянием отнюдь не самых широких кругов населения. Но даже те, кто читал, получали для своего осмысления далеко не одноцветное изображение обобщенного портрета российского немца. Поскольку в литературе тех лет достаточно прочно обосновалось мнение о расчетливости немцев. Пожалуй, еще со времен «Капитанской дочки» А.С.Пушкина по страницам российской прозы пошел гулять тезис о «строгой немецкой экономии»¹³. Причем доброта и честность немцев тоже выводились авторами из умысла расчета: «... Два раза в год угощал обедом своих приятелей, у которых обедал также по два раза в год»¹⁴, – писал Булгарин. Этот же момент присутствует и при женитьбе немцев, ибо, как утверждали Ефёбовский и Сумароков¹⁵, доб-

рый немец рассудителен в выборе жены так же, как в выборе пищи, а его понятие о любви соответствует немецкой ментальности.

Как ни удивительно, но женские немецкие типажи того времени были лишены не только рационализма, но и расчетливости, что достаточно странно (все-таки женщины!). Читательским кругам России представляли «добрую немецкую хозяйку»¹⁶, преданную жену, мать, занятую в свободное время неизменным вязанием или штопкой чулков. Таковым было расхожее мнение россиян о городских немцах.

Что же касается немца-колониста на юге России, то здесь возникала достаточно сложная шкала оценок. И трудно согласиться с мнением С.В.Оболенской, утверждавшей, что немецкие колонисты «не только не сливались с русскими крестьянами, но даже избегали знакомства с ними»¹⁷. Напротив, контакты с аборигенным населением возникли практически с момента их поселения. Взаимоотношения складывались постепенно и характеризовались зачастую дипольностью мнений и действий. Архивные документы пестрят сведениями о потраве посевов колонистов местными крестьянами, воровстве у них скота, строительного леса¹⁸. Такой характер взаимоотношений отнюдь не способствовал формированию позитивного мнения друг о друге как у украинцев, так и у немцев. В то же время в адаптационный период последние выжили благодаря в определенной мере конкретной помощи автохтонного населения. В частности, речь идет о помощи, оказанной немцам в поиске источников воды, заимствовании технологии получения строительного материала в безлесой местности, использовании тяжелого малороссийского плуга в подъеме целинных земель Таврии¹⁹, т.е. речь идет о том, что хозяйственная деятельность настойчиво пробивала «скорлупу» замкнутости, изолированности, присущую колонистам не только в силу различия культур, но и по причине иной ментальности.

Освоившись в принципиально новой природно-климатической, социальной среде проживания, немцы занялись обустройством своего хозяйства. Не отрицая обособленности немецких колоний в южно-российских степях, следует признать, что их хозяйственная деятельность, товарность их производства побуждала колонистов вступать в контакт с инонациональным окружением. Речь шла о ярмарках, продаже немцами племенного скота²⁰, сельскохозяйственной техники²¹.

Другими словами, анализируя обстановку начала XIX в., сложившуюся вокруг колонистов и внутри колонистской среды, следует признать следующее: 1) первые переселенцы создавали чаще всего своеобразные «правила взаимодействия», на основании которых развивалась последующая культура колоний; 2) новые колонисты вынуждены были приспособливаться к особой культуре автохтонного окружения; 3) со-

циокультурное развитие колоний происходило с учетом опыта и наследственности, где под опытом подразумевается комплекс потребностей, вызываемых у колонистов необходимостью эффективного функционирования их обществ в условиях нового природного и социального окружения, а наследственностью являлись те традиции, культурные нормы и представления определенного социального порядка, которые поселенцы привезли с собой на новые земли²²; 4) пользуясь терминологией концепции этноса М.Вебера, следует помнить о его эволюции, в процессе которой происходила смена и развитие поведенческих стереотипов колонистов²³; 5) переселенцы подвергались воздействию адаптационных факторов как интегрального характера (восприятие господствующей системы норм и ценностей), так и влиянию параллельных адаптаций, предполагающих длительное совместное развитие и взаимовлияние, в ходе которых осуществлялся процесс межинтеллектуального и межкультурного обмена.

Уже с самого начала своего существования немецкие и меннонитские колонии Юга Украины стали наглядным примером того, что национальное самосознание может длительное время сохраняться при территориальном и хозяйственно-культурном отрыве отдельных групп народа от основного этнического ядра. Имевшая место на Юге Украины естественная ассимиляция инонациональных переселенцев доминирующим этносом региона для немецких и меннонитских колонистов была исключена. Меннониты и немецкие первопоселенцы не только не подверглись естественной ассимиляции, но, наоборот, вобрали в себя отдельные малочисленные этносы, приехавшие подобно им осваивать Новороссию. Примером служит история франкоязычных швейцарцев, когда французский язык был вытеснен из колонии Шабо, которая превратилась в типичную немецкую земледельческую колонию.

Немецкие колонисты и меннониты перенесли на новую почву свои формы материального быта, моральные нормы, эстетические идеалы, в меньшей степени общественные институты. Их поселения представляли собой вполне определенное хозяйственно-административное и идеологическое целое, включающее общую религию, общинные связи, систему взаимопомощи. Это помогало сохранять высокий уровень национального самосознания в инонациональном окружении. Национальный характер, особенности национальной психологии дополняли особый статус колонистов и отгораживали их от других жителей края. Однако национально-психологические факторы не стоит абсолютизировать, хотя без их учета картина взаимоотношений колонистов с окружающим миром будет неполной.

Говоря об отношениях немецких земледельческих колоний с окружающим населением, правомерно ставить вопрос об их этнической и культурно-бытовой изоляции. Вместе с тем, необходимо отдавать себе отчет в том, что этническая самоизоляция колонистов была обусловлена не столько особенностями национального характера, сколько условиями жизни, более того, она поддерживалась правительственной политикой.

Свидетельством этого являются создание в 1800 г. Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев²⁴, те Инструкции, которыми она руководствовалась в своей деятельности (от 26 июля 1800 г. и 16 мая 1801 г.)²⁵, Манифест Александра I (1804 г.). Анализ этих документов доказывает, что они были вызваны к жизни стремлением рационально подойти к организации жизни колонистов, управлению ими. Государство осознанно шло на финансовые затраты, рассчитывая на получение в дальнейшем серьезных экономических, материальных, политических дивидендов. Ришелье писал: «Миллион, который мы ежегодно расходовали, были деньгами, отлично употребленными и помещенными под большие проценты»²⁶.

Экономический фактор, экономическая заинтересованность в отношениях государства с колонистами неоднократно облекались в соответствующие законы, регламентирующие их гражданское состояние (законы 1812, 1817, 1833–1849 гг., «Устав о колониях иностранцев в Российской империи» 1857 г.)²⁷, предпринимательскую деятельность²⁸.

Однако действия подобного плана затрагивали не только сферу законодательства. Они имели конкретно-организационное, религиозно-просветительское выражение. Шла ли речь о делопроизводстве на немецком языке и увольнении чиновников Конторы опекунства, не владевших им, или выделении государственных средств на строительство молитвенных домов²⁹. Пытаясь уяснить причины подобных шагов государства, его структур, которые своими действиями формировали в определенной мере общественное мнение, отдельные исследователи высказывают положение о том, что Российская империя уже в тот период вырабатывала своеобразный опыт сдерживания этнофобии. Одним из положений был тезис о том, что «народы, стоящие на более высокой ступени цивилизационного развития, представляют куда большую угрозу для империи, чем «отсталые народы», и преодолеть отчуждение первых можно лишь путем отмены привилегий их «верхам»³⁰.

Российская практика взаимоотношений государства с немецкими колонистами не подтверждает дифференцированный подход самодержавия к переселенцам, особенно на начальном этапе их обустройства. В то же время уже к 40–50-м гг. XIX в. в общественном мнении России можно увидеть наличие различных подходов к оценке хозяйственной деятель-

ности колонистов. Славянофилы все чаще высказывались негативно по отношению «к немецкому племени», имея в виду и его российскую ветвь. Западники высказывали прямо противоположное мнение. К этому времени относятся и наступившее охлаждение (скорее разочарование) российских государственных мужей к колонистам, ибо их надежды на позитивное влияние переселенцев в местах их компактного проживания на общий уровень развития экономики не оправдались. Зачастую колонии выглядели как своеобразные оазисы благополучия в экономическом поле России, находившемся в состоянии глубокого кризиса, связанного с упадком крепостнического строя. Такое положение породило вопрос о политике самоизоляции. Панславистские круги даже потрудились математически обчитать реальную пользу для российского общества самого процесса колонизации, утверждая, что она составила лишь 10% от ожидаемого.

На самом деле все структурные, организационные, технологические новации, привнесенные в страну немецкими колонистами, а также изобретенные ими уже здесь, не могли быть востребованы крепостнической Россией. Отсюда и низкая эффективность влияния немцев на местное население. Там же, где вокруг колоний располагались села лично свободных и государственных крестьян, знания и умения немецких колонистов успешно перенимались уже в дореформенный период. Это подтверждают как официальные документы, так и свидетельства таких авторитетных знатоков сельского хозяйства XIX в., как Д.И.Струков, В.Бауман. А этническая и культурно-бытовая изоляция колонистов, признаваемая Е.И.Дружининой, лишь частично тормозила процесс взаимовлияния культур. В гораздо большей степени в обособленности колонистов была повинна сама правительственная политика, ограничивавшая изучение немцами-колонистами русского языка и запрещавшая поселяться в немецких колониях представителям других национальностей.

Обсуждение вопроса о «русском немце», появившееся в 40-х – начале 50-х гг. XIX в. в российском обществе (так сказать, в обобщенном варианте без учета социальных элементов его составляющих), было несколько приглушено событиями Крымской войны 1853–1856 гг. Тем более, что немецкие колонисты и меннониты в этот трудный для их нового отечества час выполнили свой долг, оказав существенную помощь русской армии (доставка боеприпасов, продовольствия, фуража, транспортировка раненых, лечение их в лазаретах, обустроенных в колониях, сбор денежных и продуктовых пожертвований). Император Николай I выразил им свою благодарность за поддержку национального дела. Усилия колонистов во время Крымской войны были отмечены правительственными наградами.

Итак, что же произошло с колонистами за первое пятидесятилетие XIX в., что произошло с российским общественным мнением в его отношении к своим новым соотечественникам? Трудный период первой четверти XIX в. первоначальной адаптации, когда болезни, холод и голод лишали жизни тысяч колонистов, сменился хозяйственным развитием колоний, ростом благосостояния их жителей. Фактически к этому времени на юге России стали успешно развиваться рыночные формы экономики в сельском хозяйстве, торговле, предпринимательстве. В таких условиях «немецкий элемент» стал вполне реально существующим явлением, составляющим конкуренцию российскому производителю. Это начинали ощущать российское купечество, помещичьи круги. Возник экономический фактор, наличие которого становилось одной из материальных подоплек выступлений панславистов. В то же время в России начинал набирать силу процесс формирования нации, имперской нации, со свойственным ей имперским национализмом. Эти явления приобрели необычайное ускорение с отменой в 1861 г. крепостного права. Таким образом произошло своеобразное наложение двух разнородных явлений: формирование нации и возникновение «немецкого вопроса». Хотя последний лишь зарождался.

Рассматривать проблему «немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX в.» следует с учетом ряда моментов: 1) очередного этапа социально-экономического развития России, вступившей на путь промышленного переворота и интенсивного развития капиталистических отношений; 2) политических симпатий и антипатий российских самодержцев (Александра II, Александра III, Николая II); 3) появления территориального фактора в национальном самосознании ряда народов Российской империи; 4) национальной политики самодержавия; 5) изменения ситуации в расстановке военно-политических сил в Европе и появления этнического риска – предполагаемой вероятности негативного влияния этнического фактора на устойчивость политического пространства³¹; 6) создания Германской империи и блоковой политики европейских государств; 7) принципиально новой общественно-политической ситуации в стране после 1861 г. – эти и целый ряд других моментов внутри- и внешнеполитического характера оказали серьезнейшее влияние на изменение и последующую трансформацию «немецкого вопроса» в восприятии его российским обществом.

В то же время позиция ряда политических сил России влияла на общую атмосферу в стране, на отношение общества к российским немцам.

Трансформация понятия «немец» в «немецкий вопрос», происшедшая в пореформенной России, не была чем-то особенным. Ибо в общест-

ве не менее активно обсуждались «польский», «еврейский», «украинский» вопросы³². Специфика «немецкого вопроса» в южных губерниях страны состояла в том, что он, находясь в одном ряду с вышеперечисленными, был отягчен экономическими и геополитическими факторами и порождал страх возможности сепаратистских настроений (требований воссоединения с соседним «родственным» государством).

Итак, переход России на капиталистический путь развития происходил для населения большинства территорий страны достаточно болезненно. Социально-экономические новации вызывали далеко не однозначную реакцию (плохо разорение помещичьих хозяйств, массовое обезземеливание крестьянства, кризис платежей купечества). В то же время немецкие и меннонитские колонисты Новороссии достаточно быстро и органично встроились в новые социально-экономические обстоятельства. Объяснялось это тем, что на территориях колоний к тому времени возникли своеобразные экономические зоны, где уже в течение полустолетия успешно развивались товарно-денежные отношения³³. Наряду с имущественной дифференциацией хозяйств, обезземеливанием части членов колонистских общин здесь возникали колонистские фермерские хозяйства буржуазного типа, промышленные предприятия, формировался слой торгово-промышленной буржуазии, создавался особый экономический регион³⁴, усложнялась схема межличностных отношений, находящихся на этноконфессиональной основе. Более того, идеологические постулаты протестантизма и вероучения меннонитов играли роль своеобразных катализаторов хозяйственной, предпринимательской энергии колонистов. Все это в сочетании с их менталитетом создавало условия для быстрого развития колоний, усиливая тем самым конкуренцию русским производителям, порождало у последних чувство зависти, создавая почву для германофобии. Немецкие колонисты были органически связаны с сельскохозяйственным производством, с землей. Поэтому аграрный вопрос традиционно занимал у них главенствующее положение. Экономические процессы 60–80-х гг. XIX в. стремительно продвигали Россию по пути ее капитализации. Землепользование крестьян на юге сократилось на треть. Повсеместно возникало аграрное перенаселение и социальная напряженность. Не миновала эта беда и население немецких, меннонитских колоний Юга России. Здесь на Юге колонисты упорно стремились неукоснительно соблюсти принцип неразделения наделного участка. Это удавалось им вплоть до начала 60-х гг. Десять лет спустя это положение практически полностью утратило силу. Примером может служить ситуация в Одесском уезде Херсонской губернии, где разделенными оказались 85% участков³⁵.

Доля же безземельных в некоторых меннонитских колониях в 50–70-х гг. достигла 56–70,7% семей³⁶.

Стремясь изменить ситуацию, колонистские общины встали на путь покупки или аренды земли для безземельных, активизируя тем самым создание дочерних колоний. Параллельно этому явлению наблюдался устойчивый рост крупного землевладения немецких и меннонитских колонистов и быстро шедший процесс разорения дворянского землевладения. Наглядным подтверждением происходившего служат данные по ряду уездов южных губерний страны. Так, в Одесском уезде Херсонской губернии, являвшемся территориально-административной единицей с наибольшим удельным весом в нем немцев, за 1869–1889 гг. ими было приобретено 103 936 дес. земли. Товарно-денежные отношения, активно вторгавшиеся во все сферы хозяйственной жизни общества, не обошли стороной и аграрный сектор, о чем свидетельствуют площади проданной немецкими колонистами за те же годы земли. Разница составила 56 874 дес. в пользу увеличения земельного массива, обрабатываемого немецкими колонистами. В целом по Херсонской губернии за 60–80-е гг. XIX в. немецкими колонистами было куплено 420 073 дес. земли³⁷. В Екатеринославском уезде одноименной губернии за тот же период (с 1861 по 1888 г.) рост немецкого землевладения был выражен следующими цифрами – 39 000 дес. и 105 000 дес. земли³⁸. Подобные факты приобрели характер устойчивой тенденции. Ситуация отягчалась постоянным ростом цен на землю, увеличением размеров арендной платы, острой нехваткой земельных площадей у украинского, русского крестьянства, проживавшего рядом с немецко-меннонитским населением.

Такое положение не могло не вызвать соответствующей реакции части южнороссийского общества, положившей начало антиколонистскому (фактически) антинемецкому движению, центр которого первоначально находился в земских учреждениях Екатеринославщины, а затем выплеснулся на страницы центральной прессы³⁹.

Если бы экономическая составляющая «немецкого вопроса» исчезла либо проявила тенденцию к уменьшению немецкого землевладения, немецкого фактора в экономике региона и страны в целом, то вполне вероятно, что эта тема сама собой исчезла бы с повестки дня либо предстала лишь в этно-геополитическом ракурсе.

Однако последующие десятилетия сопровождалось дальнейшим ростом немецкого землевладения⁴⁰, ростом влияния немецко-меннонитского элемента в перерабатывающих производствах⁴¹, производстве сельскохозяйственного машиностроения⁴², торгово-промышленных областях⁴³.

Несомненные успехи указанных категорий населения империи порождали у значительной части российского общества не столько желание понять причины происшедшего и, уяснив их суть, попытаться овладеть технологиями сельскохозяйственного и торгово-промышленного производства, принципами хозяйствования, сколько чувство зависти, окрашенное этническим моментом. Отсюда и появились уничижительно-оскорбительные оценки немецких колонистов, как, например, высказывание одного из учредителей Общества «Освобождения» России И.И.Петрункевича: «Я поражался тупости этих людей, предназначенных быть культуртрегерами в стране, стоявшей выше их по своим природным способностям»⁴⁴.

Если же учесть еще и в качестве немаловажного фактора национальную политику государства, в которой обозначился националистический перелом, то со всей очевидностью станет ясно, что этническое неравенство, присутствующее в людном этническом пространстве, порождающее определенную иерархию, было чревато конфликтами⁴⁵ как «горизонтального» (между этническими группами), так и «вертикального» типа (между этнической группой и государством)⁴⁶.

Характерной чертой ситуации на юге страны в рассматриваемый период было практически отсутствие открытых форм межнациональных конфликтов между немецкими колонистами и местным крестьянством. Что же касается «вертикального» конфликта, то проявлением его уже в 70-х гг. XIX в. была начавшаяся этноизбирательная эмиграция части немецкого и меннонитского населения, не желавшего исполнять закон 1874 г. о всеобщей воинской повинности, закон, противоречивший содержанию ранее принятых государственных указаний. Другими словами, речь шла о проявлении статусного конфликта.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что общественно-политическое развитие России в пореформенный период происходило на фоне резко возросшего значения периодической печати, которая имела возможность, бесчисленное множество раз в различных формах и по различным поводам повторяя одни и те же мысли, навязывать их читателям. И поскольку каждый стремился говорить от имени общества, являясь тем самым самозванным представителем «общественного мнения», то этих мнений становилось, по меткому замечанию одного из современников событий, «почти столько же, сколько типографских станков». Ситуация усугублялась еще и тем, что вторая половина XIX в. ознаменовалась превращением периодической печати из нравственной и просветительной силы в торговое предприятие.

Общественное же мнение создавалось из взаимодействия ряда элементов: законодательных шагов государства, позиции официальных лиц

страны, становившейся достоянием гласности, чтения газет, частных разговоров и т.д. Громадное большинство людей не имело прямого отношения к тем событиям, которые привлекали внимание общества, не знали из первых источников ни фактов, ни документов, на которых бы можно было более или менее прочно обосновывать свои суждения для того, чтобы высказать какое бы то ни было мнение об этих событиях: они были вынуждены принимать на веру то, что передавали им лица, ближе стоящие к делу или газете. Таким образом, мнение почти каждого из членов общества являлось лишь в сущности только отголоском мнения немногих стоявших ближе к делу. Так оценивал ситуацию «Русский вестник»⁴⁷. И с этим трудно не согласиться.

В целом дискуссия по «немецкому вопросу» в российской прессе проходила на фоне общего поворота внимания общества к национальной проблематике. Отмена крепостного права и последующие либеральные реформы начала царствования Александра II открыли новые возможности для прессы и других форм выражения общественного мнения.

Экономические, социальные изменения второй половины XIX в. совпали во времени с процессом, происходившим в одной из важнейших фондообразующих общественного мнения – умонастроением государственной бюрократии и самого царя. Национализм постепенно вытеснял господствовавший ранее аристократическо-космополитический традиционализм, заменяя его православным традиционализмом, ксенофобией национализма. Личность монарха, его политические антипатии, взгляды его ближайшего окружения всегда оказывали определяющее влияние не только на законотворчество, но и на общественное мнение страны. Наглядным подтверждением этого положения может служить отношение российских монархов к колонистам. Так, правление Александра II ознаменовалось принятием «Устава о колониях иностранцев в Российской империи»⁴⁸, представлявшего собой свод законов, определявших полноправное место колонистов в процессе капиталистического развития страны. В то же время он оговаривал определенный объем прав, свобод и обязанностей колонистов, которые существенно отличались от положения остального населения России. Кроме того, документом был закреплен и детализирован не только правовой, но и социальный статус колонистов⁴⁹.

Спустя четырнадцать лет (4 июня 1871 г.) появились «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях», в корне менявшие традиционный уклад существования колоний, фактически ликвидировавшие специальные привилегии иностранных колонистов. Побудительным мотивом такой резкой переориентации российского самодержца было осознание им и рядом его

приближенных необходимости скорейшей модернизации всей хозяйственной системы государства, т.е. речь шла о том, что административные реформы и введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности были продиктованы основополагающим для всех реформ Александра II стремлением преобразовать феодально-архаичную систему России в буржуазное государство, а отнюдь не антигерманскими настроениями. Его же наследник открыто признавал, что ему ненавистно все немецкое.

Немаловажную роль в самой постановке «немецкого вопроса», в дальнейшем его обострении играла духовно-просветительская сторона деятельности государства и его структур. Идеологической основой российской государственности являлась идея державности, которая трактовалась в России как забота о ее пространственном и военном величии. Отправной точкой этой идеологии стала предложенная графом Уваровым триада: «Православие, самодержавие, народность». При этом принцип «народности» выдвигал перспективу создания нации и государства на основе единого вероисповедания и лояльности самодержавию. Другими словами, предлагалось формировать государственный национализм на конфессиональной основе. Одним из элементов реализации этой программы была русификация, напрямую касавшаяся и немецкого населения страны⁵⁰.

Методы, с помощью которых шел процесс ассимиляции населения, соответствовали положению, высказанному П.А.Валуевым: «Свойственная у нас многим, и весьма многим, умственная лень постоянно предрасполагает к выбору простых и потому вообще грубых средств для достижения правительственных целей. Нет ничего проще, чем положиться на одну силу вместо нескольких»⁵¹. В арсенале практических мер для достижения языковой ассимиляции ведущее место занимала система административных запретов, одной из отправных точек которой был написанный в 1862 г. Валуевым «Очерк о средствах обрусения Западного края». Его содержание свидетельствовало о том, что в России второй половины XIX в. высшая административная власть уже начинала мыслить категориями современного ей национализма, отказавшись от исповедания либерально-просветительских идеалов начала столетия.

Большую роль в политике ассимиляции народов России играло православное духовенство, являвшееся ее своеобразным проводником.

Если вначале религиозная терпимость, признание которой и привлекало к переселению в Россию часть колонистов, лишь сочеталась с поощрением христианизации и Святейший Синод играл пассивную роль при проведении политики ассимиляции, исправно соглашаясь с запретительными действиями государственных структур различного уровня управления, то со временем ситуация в корне изменилась. Одной из при-

чин этого стала активизация миссионерской деятельности новоменнонитских деноминаций среди православного населения. И уже в 90-х гг. XIX в. православное духовенство стало активно бороться с «немцами-новоменнонитами», не без основания видя в них главных виновников в распространении «злокозней ереси штунды – баптизма среди православного населения»⁵². Тем самым способствуя формированию негативного отношения к немецкому населению среди своих прихожан. Другими словами, следует отметить значительную роль религии и ее этноконсолидирующей функции в пореформенной России, когда этническая комплиментарность («наши» – русские, православные, «не наши» – иноверцы) строилась преимущественно на конфессиональной принадлежности. Эта практика, осуществлявшаяся как на бытовом уровне, так и в государственной идеологии⁵³, конструировала в сознании российских граждан «образ врага». Однако в данном случае речь шла о формировании государственного национализма на конфессиональной основе, а вовсе не об этническом шовинизме русских.

И, наконец, рассматривая факторы влияния на общественное сознание, общественное мнение в его трансформации понятия «немец» в «немецкий вопрос», нельзя обойти вниманием внешнеполитический фактор анализируемого периода. Шел процесс централизации немецких государств и создания единой Германской империи. Выходцы из немецких земель, поселившиеся в России, и их потомки, хотя и были в свое время жителями Священной римской империи германской нации, но чувство принадлежности к единому государству у них явно отсутствовало. Эфемерным объединением была и сама империя, рухнувшая по мановению руки Наполеона. Исторически сложилось так, что в Германии национальное сознание было главным образом ориентировано на культуру, ибо оно оказалось в своеобразном поле напряжения между местным патриотизмом маленьких княжеств и историческим имперским мышлением. Компенсаторным явлением такой ситуации стало этнокультурное сознание⁵⁴. В силу этого часть немецких колонистов по-прежнему продолжала оставаться подданными Баварии, Вюртемберга, Гессена и т.д., сохраняя культурно-религиозные и родственные связи со страной своего происхождения. Создание Германской империи 1871 г. автоматически делало их подданными сильного военно-экономического и политического государства, каким стала вильгельмовская Германия. Большая политика делалась за столом дипломатических переговоров, на поле брани. Разменными пешками в ней становились судьбы российских немцев. Дело в том, что в России представители политической, интеллектуальной элиты по-разному относились к Германии вообще (одни рассматривали ее как географический термин, другие восхищались «немцами мысли», прекло-

няясь перед достижениями в области философии, литературы), были явно потрясены быстро происходившими переменами в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. в ее судьбе, геополитическими изменениями в Европе, последствия которых неминуемо касались России. Официальные круги России, придерживаясь принципа «услуга за услугу», помня роль Берлина в пересмотре результатов Крымской войны, своей позицией действительно оказали «услугу» Германии в деле ее объединения.

Консервативная и демократическая общественность России, несмотря на противоположность своих общественно-политических взглядов, проявляла достаточно явное единодушие в негативизме оценок создания Германской империи. Хотя причины этого были различными. Панславизм 70–80-х гг. XIX в., носивший явно антигерманский оттенок, усиливал германофобию в стране.

Следует отметить, что общая ситуация, возникшая в российском обществе последней трети XIX в., в отдельных аспектах сопоставима с положением в Германии тех лет. Об этом писал Ханс Розенберг, отмечавший, что периоду 1873–1896 гг. свойственны необычайно обостренные конфессиональных противоречий, оголтелая кампания против «бегства капитала» и «космополитической торговли, все более громкий и агрессивный национализм...»⁵⁵

Таким образом, «немецкий вопрос», появившийся на страницах российской прессы и со временем получивший название «мирное завоевание» немцами России, возникнув в 70-е гг. XIX в., уже практически больше и не исчезал с орбиты внутриполитической жизни страны. Подтверждением этого служит логически выстроенная цепь правительственных действий: а) кампания 1871 г. по отмене самоуправления в немецких колониях; б) 1874 г. – введение всеобщей воинской повинности, в том числе и для немцев, меннонитов; в) политика русификации 80–90-х гг. XIX в.; г) указы 80-х гг. XIX в. об ограничении иностранного землевладения в западных и юго-западных губерниях России, инициированные в первую очередь военными ведомствами; д) законодательные акты 90-х гг. XIX в., ущемлявшие принцип частной собственности и запрещавшие нерусскому населению приобретать недвижимость в ряде регионов страны. Действия правительства, обозначенные здесь лишь пунктирно, могут быть оценены далеко не однозначно: от мероприятий явно антинемецкого характера до шагов общеевропейского характера, имевших своей целью интегрировать немецкое население в российское общество, что соответствовало мировой тенденции и практике.

Последующие действия государства в отношении этнических немцев и меннонитов, проживавших на его территории, свидетельствовали

не только о назревании социально-политического кризиса в стране, но и о зреющем духовном процессе российского общества в целом.

Политическая история страны начала XX в., рассматриваемая в контексте судеб немцев России, оказалась непосредственно связанной с внешнеполитическим фактором – конфронтацией, возникшей между Германией и Россией, блоковым противостоянием европейских держав. Признавая его в качестве доминирующего, не следует сбрасывать со счетов и социально-экономические, этно-конфессиональные моменты, оказавшие серьезное влияние на формирование общественного мнения России начала XX ст.

Российская империя и после либеральных реформ периода правления Александра II продолжала оставаться военно-бюрократическим монолитом. Однако начало XX в. внесло в пределы этого монолита серьезные перемены, связанные как с глубинными социально-экономическими изменениями нового века, так и с революционными событиями 1905–1907 гг. и столыпинской реформой. К сожалению, ни революция, ни столыпинские проекты и преобразования не сняли остроты ряда социальных проблем, в том числе и «немецкого вопроса». Более того, ухудшение международных отношений придало ему еще большую напряженность. Панслависты наряду с другими политическими силами продолжали манипулировать общественным сознанием, пропагандируя лозунг: народу мнение, царю власть. В обстановке растущего российско-германского противостояния политическая элита России встала на путь формирования образа «этнического врага», тем более, что значительная часть подготовительной работы была уже фактически проделана в последней четверти XIX в. Большая роль в этом выпала на долю прессы, превратившейся уже в тот период из нравственной и просветительской силы в торговое предприятие, достаточно охотно реализовавшее «ходовой товар» в виде панславистских опусов Р.Ф.Фадеева, Н.Я.Данилевского, В.И.Ламанского, М.Г.Черняева, А.Н.Майкова и других⁵⁶. «Национал-патриоты» тех лет били тревогу по поводу якобы имевшего места «онемечивания» населения, проявлявшегося, по их мнению, в распространении штундизма и даже немецкого языка⁵⁷. И если тревогу духовенства по этому поводу можно было понять: православная паства уходила из-под контроля, подрывая тем самым основы российской державности, покоящейся, по мнению идеологов тогдашнего режима, на триаде: «православие, самодержавие и народность», то убеждения представителей части российского генералитета, что хозяевами в стране являются немцы, которым свойственно интриганство, жертвой которого и стало славянское население, были уже серьезным симптомом поражения определенных кругов страны бацциллой национализма⁵⁸.

Бывшее с петровских времен становым хребтом государственности российское чиновничество тоже стремилось преуспеть на поприще борьбы с немецким засильем⁵⁹. Российская бюрократия, превращавшая, по мнению Н.Бердяева, все в орудие политика⁶⁰, еще в 1881 г. в лице руководителя МВД Н.П.Игнатьева подготовила на имя царя докладную записку, смысл которой состоял в обосновании вредности и опасности присутствия немецких колонистов в западных губерниях страны. Последствием ее стали законы 1887 г., разрешавшие приобретение земель в этих губерниях лишь российским подданным и содержавшие ряд ограничений для иностранцев в области земских учреждений, а также закон 1892 г. Согласно этому закону лицо, принявшее российское подданство, но не перешедшее в православие, отныне лишалось возможности приобретения земли. Такое положение означало явное ущемление национальных чувств колонистов и являлось грубым инструментом русификаторской политики царизма. Тем самым нарушался принцип религиозной терпимости и поощрялось православие.

Дело в том, что в дооктябрьский период «инородцы», принявшие православие, по документам становились русскими. Это означало, что этнический статус можно было изменить, переменяв веру, и «русскость» становилась уже достижимым статусом.

В то же время с целью усиления эффективности формирования образа немца как «врага» педалировался бытовой национализм, который стараниями политических элит политизировался и концептуализировался.

Общественное мнение страны, и раньше не отличавшееся особым единодушием, в тот период зачастую порождало дипольные суждения. Правительственные и оппозиционные силы боролись друг с другом, с переменным успехом захватывая или отбивая редуты публицистической прессы.

Что же касается высказываний в печати по «немецкому вопросу», то здесь разброс мнений был действительно велик: «Русский вестник» и «Исторический вестник», «Речь» и «Новое время», «Русское богатство» и «Право», «Русская воля» и «Биржевые ведомости» и т.д. публиковали на своих страницах материалы по «немецкому вопросу». Однако невозможно рассматривать печать как невинный способ теоретического обмена мнений⁶¹. Речь шла о целенаправленной обработке массового сознания. И если вначале дело ограничивалось лишь обсуждением законопроекта «Об изменении временных правил о водворении в Волынской губернии лиц нерусского происхождения и о распространении действия этих правил на губернии Киевскую и Подольскую», внесенного на рассмотрение в 1910 г., то с началом Первой мировой войны в печати практически исчез эзо-

повский язык и обнажилась вся неприглядная действительность: патриотизм солидаризировался с повинизмом, национализм шел рядом с этнофобией. Кто же возглавил эту мутную волну, захлестнувшую общество? Речь прежде всего должна идти о представителях государственных структур, лидерах политических партий, представителях торгово-промышленных кругов, рассчитывавших под шум военно-политической кампании разделаться со своими конкурентами, части российской интеллигенции, усердно эксплуатировавшей свой «литературный и художественный талант». С помощью последних расширялся арсенал средств пропаганды, особенно среди малограмотного населения страны. Речь шла о создании так называемой «народной газеты», в роли которой активно выступали лубочные картины⁶². В то же время недопустимо огульное отношение ко всем представителям перечисленных категорий. Ибо даже в момент страшного испытания, посланного войной, часть российского общества смогла удержаться от этнофобии, спасая тем самым честь России.

Тем не менее, как это ни прискорбно, ряд российских литераторов, профессоров, членов Имперского Российского Технического Общества еще до начала военных действий проявил свое позитивное отношение к так называемому «немцееству». С началом военных действий все шло к этнофобии были открыты.

В концентрированном виде государственная программа решения немецкого вопроса была заключена в следующей фразе: «Нам, русским, надо не только одолеть полчища тевтонов..., но надо одолеть внутреннюю Германию, которая просочилась в нашу жизнь, которая двести лет влияла на нашу политику..., на развитие нашей промышленности, на строй нашей школы»⁶³. Фактически в этом емком выражении были обозначены все категории немецкого населения, на которые направлялось «ликвидационное» законодательство периода войны. Другими словами, прозвучал призыв к борьбе с внутренним врагом.

В условиях, когда шли военные действия с внешним противником, подобная ситуация была явно губительна для России. Более того, это предложение шло вразрез с позицией ряда руководителей оппозиции, в частности, предлагавшей на время «отложить внутренние споры, не дать противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие [нас] разногласия...», — поддержать наших солдат, внушая им веру в правое дело»⁶⁴. Это предложение П.Н.Милокова было трудно соотносить с действиями правительства, вставшего на путь ликвидации «немецкого землевладения», с действиями военной администрации, высылавшей из прифронтовой полосы всех немцев, в том числе и тех, чьи сыны и мужья находились в действующей армии⁶⁵. Речь шла не просто о нарушении прав гражданина, прав частной собственности, что уже само по себе было

гражданина, прав частной собственности, что уже само по себе было чревато катастрофическими в будущем последствиями революционных реквизиций, национализаций, политического и имущественного беспредела. Во многих случаях акт 1 февраля 1915 г. просто «оскорблял здравый смысл и этнические чувства». Несправедливым в этом акте было то, что «немецкий колонист – русский подданный – шел в качестве русского солдата на войну, рисковал своей жизнью, и в это время в тылу у него отбирали землю»⁶⁶.

Земля была одной из ключевых проблем России того времени. От способов решения аграрного вопроса зависело не только социальное спокойствие страны в будущем, но и само ее будущее. Поведение солдат, большая часть которых являлась вчерашними крестьянами, во многом, если не во всем, определяли положение на фронтах. Реализация «ликвидационных законов» на местах не могла быть осуществлена в одночасье в силу не столько самой организационной сложности вопроса, сколько проблем, порождаемых самими законами. Главным из них являлся не правовой морально-этнический момент лишения граждан их собственности, а проблема бесперебойного обеспечения фронта и тыла продовольствием. Сокращение же посевных площадей в связи с лишением земли бывших немецких и меннонитских колонистов, на фоне мобилизации в армию больших масс крестьянства, что моментально сказалось в целом на крестьянских хозяйствах, поставило в повестку дня продовольственный вопрос. Это заставило власти отказаться от форсирования выполнения ликвидации немецкого землевладения. В данном случае принцип, когда суровость российских законов смягчалась небрежностью их исполнения, не срабатывал.

Проблема была гораздо серьезнее. При проведении политики ликвидации «немецкого засилья» правительство не просто апеллировало к общественному мнению страны, пытаясь найти в нем поддержку своим действиям, оно стремилось получить обоснование справедливости и безусловной необходимости лишения прав собственности у части российских граждан. Таким значимым социальным слоем становилось российское крестьянство, в интересах которого якобы и проводилась антинемецкая кампания в области землевладения. В печати многократно варьировалась мысль о том, что по возвращении с фронта крестьяне получат землю из земельного фонда, созданного за счет земель немецких колонистов. Государственные ведомства всех уровней были завалены челобитными отделений «Союза русского народа», «Михаила Архангела», обращениями «православных русских людей». Во многих из них шла речь о «немецком землевладении», содержались жалобы и доносы на чиновников, которые якобы умышленно медлили с выполнением соответ-

ствующих законов. При всей массовости заявлений подобного характера, поступавших в Совет министров, Юг России тем не менее все же смог вновь отличиться. Речь идет о «Памятной записке киевского отделения «Союза русского народа» от декабря 1916 г. Не останавливаясь на характеристике всех ее положений, отметим, что в ней обстоятельно было изложено предложение по своеобразному решению аграрного вопроса. Так, в частности, говорилось о том, что надо войти в «душу» доблестного русского солдата-мужика, который за свои подвиги на фронте должен быть вознагражден государством землей из «особого военного земельного фонда», образованного из отчуждаемых «немецких земель» плюс «некоторые помещичьи земли», поскольку не все помещики, даже дворяне, являются опорой правительства и государства, а иные просто «лодыри и бездельники» и помогают жидо-масонской крамоле. Если отобрать у них землю, то можно было бы и «дух армии» поднять, и войну с победой окончить, и мужиков привязать к царю, «единственному их благодетелю»⁶⁷. Настораживающим в этой записке был не ее объем, не тональность текста и его явная агрессивность. Эта записка, несмотря на свое «провинциальное» происхождение, носила явно протопоповский характер и являлась своеобразным «пробным шаром», так и не попавшим в предполагаемую ее составителями «лужу». В предлагаемой в записке программе преобразований в области землевладения был затронут не только вопрос о немецкой собственности, что само по себе было не новостью для российской общественности; здесь как бы мимоходом задевался вопрос о помещичьем землевладении. А это было уже крайне серьезно.

Понимание кардинальности значения помещичьего землевладения для существования российского самодержавия вообще было присуще министру земледелия Кривошеину и министру иностранных дел Сазонову. Именно они представляли собой скрытую по необходимости оппозицию проектом борьбы с «немецким засильем» еще осенью 1914 г. Дело было не в политических настроениях руководителей перечисленных ведомств. Так, Сазонов, проводивший во внешней политике явно славянофильскую политику, считал «немцеедство» правых явно демагогическим шагом, совершавшимся в расчете на политико-материальные дивиденды и относился к нему отрицательно. Кроме того, в его позиции сказывался и личностно-психологический фактор, о котором речь пойдет ниже.

Что же касается Кривошеина, то он руководствовался в своей позиции как профессиональным подходом к делу, так и интуитивным предчувствием возможности катастрофических последствий подобных предложений Маклакова и Щегловитова. Кривошеин боялся, что «отчуждение земель, пусть даже и за вознаграждение, в таком почти всероссийском масштабе может вызвать у населения желание поднять аграрный во-

прос во всей его широте. Он считал, что удар, наносимый немцам, может неожиданно обрушиться и на русское помещичье землевладение...» Ему чудился «забытый призрак 1905 года»⁶⁸. Таким образом, идея ликвидации «немецкого землевладения» не получила единодушного одобрения в верхних эшелонах российской администрации. Хотя аргументация противников «ликвидационных законов» носила характер не отстаивания правовых норм, общечеловеческих правил, а была продиктована явно прагматическим подходом. Четыре министра – Сазонов, Кривошеин, Рухлов и князь Щербатов – высказались против проекта Маклакова и Щегловитова, но они проиграла. Совет министров большинством голосов поддержал предложенный проект, а царь утвердил мнение большинства. Борьба по данному вопросу, начатая еще в сентябре 1914 г., не завершилась с принятием в феврале 1915 г. соответствующего закона. Она продолжилась в различных ведомствах, занимавшихся проблемами российских немцев и германских подданных в России.

Что же касалось предложения искоренить немецкое засилье в военно-административных и дипломатических структурах, то здесь дело обстояло следующим образом. Действительно, еще с петровских времен на государственной службе находилось много лиц немецкого происхождения. Однако о том, кто они были по рождению, знала лишь образованная часть российского общества. Но и она была не лишена влияния атмосферы подозрительности, шовинизма, царившей в стране. Так, например, сын одного из известных писателей России XIX в. Николая Георгиевича Гарина-Михайловского, Георгий Николаевич Михайловский, бывший начальником международно-правового отдела МИДа, считал вопрос о германском влиянии в довоенной России «вопиющим». А с началом войны, по его мнению, во имя национального самосохранения следовало бы осуществить «германскую чистку, начав ее сверху»⁶⁹. Им отмечалась громадная роль немецкого фактора в высшей петербургской бюрократии, характеризовалась позиция ряда чиновников МИДа, считавших немцев «язвой русского государства». В этой позиции явно чувствовались «проросшие зерна» этнофобии, вброшенные в сознание россиян в конце XIX в. Так, еще в 1890 г. появилась статья А.Ф.Васильева «Задачи и стремления славянофилов», в которой говорилось о том, что «все эти Остерманы, Минихи, Нессельроде, несмотря на всю их хваленую добросовестность, служили и служат не русской земле и русскому народу. Громадный вред, бесчисленные насилия и обиды – вот что принесли немцы русским. И пора наконец подумать о том, чтобы исключить иностранцев из правительственных и общественных учреждений и сфер и передать русское управление в русское хозяйство русским людям»⁷⁰.

Исторически сложилось так, что на дипломатической службе находилась значительная часть лиц, имевших немецкие корни. Это дало возможность повинистической печати обрушиться на МИД, назвав его «министерством иностранных фамилий». Особое усердие на поприще обличения проявило «Новое Время», опубликовавшее список чиновников (в том числе и МИДа), сенаторов, имевших иностранные фамилии. В своей агрессивности национально-патриотическая печать преступала пределы здравого смысла, провоцируя тем самым дипломатические и общественные скандалы, как это имело место в отношении барона М.Ф.Шиллинга, являвшегося начальником канцелярии МИДа и I Политического отдела. В его адрес были высказаны оскорбительные подозрения. Шиллинг, являвшийся ближайшим советником Сазонова, с которым его связывали не только деловые отношения, но и искренняя дружба, доказанная им в 1916 г., когда при отставке Сазонова он последовал за ним, будучи человеком чести, вызвал редактора издания на дуэль.

Долгая совместная служба и личная симпатия Сазонова, неоднократно имевшего возможность убедиться в высоком профессионализме Шиллинга, его глубокой порядочности и принципиальности, в значительной мере оказала влияние на позицию Сазонова в отношении «немцедействия». Это и был тот личностный фактор, о котором упоминалось ранее. Кроме того, не следует забывать и о том, что Столыпин и Сазонов были женаты на двух сестрах Ольге и Анне Нейнгардт, фамилия которых тоже не была созвучна психологической атмосфере России периода Первой мировой войны. В этой атмосфере нашли себе благодатную почву самые низменные качества далеко не лучшей части российского общества: шпиономания⁷¹, доносительство, клевета и т.д. Все это подогревалось газетными публикациями⁷², публицистическими работами⁷³. Документальным подтверждением этого являются материалы «Особого Комитета по борьбе с немецким засильем»⁷⁴, документы жандармских ведомств Совета министров Российской империи⁷⁵, мемуарная литература⁷⁶.

Обывателя запугивали наличием в стране «пятой колонны». Так, Н.Симбирский поместил в «Историческом вестнике» за декабрь 1914 г. пространный опус под названием «Немцы на Юге». Не берясь давать оценку литературной стороне публикации и рассматривая только содержание материала, можно с полной уверенностью утверждать, что читателю предлагался политический пасквиль. Автор призывал все российское общество встать на борьбу с «мирным немецким нашествием», заявляя, что само это дело является «государственно-народным». Каждая фраза очерка источала ложь и ненависть. Так, автор заявлял, что немецко-колонисты приходили и приходят на все готовое, а расширение их земле-владения практически полностью осуществляется за счет дешевых кре-

дитов германского имперского банка. При покупке хозяйств немцы якобы исходят главным образом из учета геостратегического расположения земельных участков, готовя тем самым будущие форпосты для кайзеровской армии, превращая свои имения в усадьбы-крепости. Не был обойден вниманием автора и вопрос о так называемой немецкой системе, под которой подразумевалось техническое и машинное обеспечение хозяйств немцев Юга России. Наличие телефонной связи и автомобилей (что свидетельствовало о зажиточности ряда хозяйств бывших колонистов, использовании ими новейших технологий не только в аграрной области, но и в быту, при транспортировке урожая, для удобства, комфортности и экономии времени) рассматривалось автором как подготовка особых моторизованных частей германской армии, средств военной коммуникации и т.д. В целом содержание публикации представляло собой гиперболизированную глупость⁷⁷. Однако она свидетельствовала о том шовинистическом угаре, в котором находилось российское общество.

Подозрительность, шпиономания охватили практически все слои общества. Эти явления не были уделом лишь малообразованной его части. Речь шла о том, что к 1916 г. даже значительная часть всеильной еще недавно российской бюрократии по своим умонастроениям уже мало чем отличалась от того, что называлось на языке газет «русским обществом». Так, результатом публикации «Новым временем» списков сенаторов с германскими фамилиями был отказ Сената (большинством голосов) признать германских подданных судебной защите. Такая позиция противоречила сути и «букве» Гаагских международных конвенций 1899, 1907 гг., подписанных Россией. Однако объяснение ситуации современники событий видели опять-таки в национальном вопросе, поскольку «петроградская бюрократия... не могла пойти на мужественное решение вопроса, так как сама наполовину состояла из русских немцев»⁷⁸.

Подобная ситуация ощущалась и в оценках действий царя, его кадровых назначениях, которые, по мнению окружающих, чаще всего балансировали на грани. Что это? Глупость или измена? И если такое положение еще хоть как-то можно было понять в отношении назначения Штюрмера министром иностранных дел, репутация которого была убийственной, Штюрмера, который, по мнению многих, «ни умом, ни честностью не отличался» и деятельность которого на этом посту заставляла многих опасаться заключения сепаратного мира с Германией, то отношение общества к самодержцу вообще не выдерживало критики. Спустя несколько лет участники российской политической фантазмагии 1914–1920 гг., представители политической элиты страны, находившиеся в эмиграции, даже испытав душевное потрясение в связи с екатеринбургской трагедией (расстрелом царской семьи), позволили себе утверждения следующего

характера: царь отличался коварством, «мелочностью и жестокостью в отношении своих ближайших сотрудников и неверностью в личных отношениях» и за это «высшая петербургская бюрократия ненавидела» его «не менее, чем самые ожесточенные революционеры»⁷⁹. Такие оценочные характеристики свидетельствовали о глубине социального кризиса политической системы Российского государства, ибо соответствовали формуле тех лет: «заговорили молчавшие».

Парадоксальным и одновременно губительным (учитывая российскую специфику) было то, что в стране возникло недоверие, подозрительность даже в отношении царя и его семьи: настало время вспомнить о родственных связях Романовых, о чистоте немецкой крови Александры Федоровны. Эти настроения имели хождение среди гражданского населения, солдат, армейских чинов даже высокого ранга. Тень сомнения в истинных настроениях царской семьи, бросаема наиболее «патриотической» частью российского генералитета, приобретала особенно зловещие очертания, когда речь заходила «о германофильской измене Александры Федоровны»⁸⁰. Эти настроения порой граничили с мистикой, особенно в рассуждениях типа: «после каждого приезда Александры Федоровны в ставку мы на фронте терпели поражение»⁸¹.

В такой атмосфере трудно было рассчитывать на цементирующий эффект морального фактора (в лице самодержавия) в воюющей стране. Напротив, общественно-политическая обстановка в России 1915–1917 гг. дает в определенной мере ключ к пониманию последующих политических событий, связанных с отречением Николая II, гибелью царской семьи.

Все вышеизложенное позволяет утверждать следующее: 1) социально-экономические изменения второй половины XIX в. явились основой для начала процесса трансформации в российском обществе понятия «русский немец» в «немецком вопросе»; 2) ускорителем этой трансформации послужили события 70-х гг. XIX в., связанные, с одной стороны, с образованием Германской империи, с другой – изменением расстановки политических сил на международной арене и начавшимся блоковым противостоянием; 3) отправной точкой коренного перелома в общественном сознании значительной массы россиян в их отношении к русским немцам стали события Первой мировой войны; 4) поскольку одним из коренных вопросов российских революционных событий 1917–1920 гг. был вопрос собственности, а русский немец имел к нему самое непосредственное отношение, то и его судьба оказалась прочно связанной с политической историей России; 5) в событиях рассматриваемого периода произошло своеобразное наложение экономического, политического и национального факторов. Это придало происходившим процес-

сам характер титанической катастрофы, последствия которой сказались на всей последующей российской истории.

Примечания

- ¹ Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // *Одиссей*.– 1991.– С.160–181.
- ² Жуковская А.В., Мазур Н.Н., Песков А.М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 19. Jahrhundert Von der Jahrhundertswende bis zu den Reformen Alexander II* // Hrsg. von D.Hermann und A.J.Ospovat.– München, 1998.– S.528–548.
- ³ Колесник И.Д. Германский национализм как социально-психологический феномен: Математические модели и развитие национальной идеи // *Психолог. журн.*– 2000.– Т.21.– №3.– С.34–42.
- ⁴ Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность.– М., 1988; Уледов А.К. Духовная жизнь общества.– М., 1980; Коробейников В.С. Парадигма мнений.– М., 1981; Житенев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении.– Новосибирск, 1987; Сурмин Ю.П. Теория общественного мнения. Курс лекций.– К., 1999; Полторак В.А. Социология политического отношения.– М., 1989.
- ⁵ *История Европы*: В 8 т.– М., 2000.– Т.5.– С.366.
- ⁶ Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia 1762–1804.– Cambridge, 1979.– P.31.
- ⁷ *Государственный архив Одесской области*.– Ф.93, оп.1, д.184-а, л.43–43 об.– Далее: ГАОО.
- ⁸ Булгарин Ф.В. Три встречи (Рассказ путешественника) // Булгарин Ф.В. Сочинения в 3 ч.– С.Пб., 1836.– Ч.1.– С.11–12.
- ⁹ Соллогуб В.А. Два студента // Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания.– Л., 1988.– С.25.
- ¹⁰ Загоскин М.Н. Москва и москвичи // Загоскин М.Н. Полн. собр. соч. в 10 т.– М., 1898.– Т.2.– С.500.
- ¹¹ Соллогуб В.А. Два студента.– С.24.
- ¹² Загоскин М.Н. Русские в начале осмнадцатого столетия // Загоскин М.Н. Полн. собр. соч. в 10 т.– Т.7.– С.291–310.
- ¹³ Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т.– М., 1978.– Т.5.– С.272.
- ¹⁴ Булгарин Ф.В. Три встречи (Рассказ путешественника).– С.11–12.
- ¹⁵ Ефремовский П.В. Мамзель Костиль или ловля женихов // Библиотека для чтения. 1838.– Т.27.– Ч.1; Сумароков П.П. Кокетство и любовь // Сумароков П.П. Повести и рассказы.– М., 1833.– Ч.2.
- ¹⁶ Полевой Н.А. Эмма // Русские альманахи: страницы прозы.– М., 1989.– С.278.
- ¹⁷ Оболенская С.В. Образ немца...– С.163.
- ¹⁸ Epp G.K. Geschichte der Mennoniten in Russland. Deutsche Täufer in Rußland. Die Haubensgemeinschaft der Mennoniten und die Gutergemeinschaft der Hutterischen Brüder, 1997.– Bd.1.– S.89–90.

- ¹⁹ Бочарова Н.В., Бобылева С.И. Восточная Европа – регион взаимодействия культур // Взаимодействие культур Восточной Европы и Востока в переломные эпохи.– Д., 1995.– С.73–74.
- ²⁰ *Очерки истории немцев и меннонитов Юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX в.)* / Под ред. С.И.Бобылевой.– Д., 1999.– С.166.
- ²¹ Бочарова Н.В. Роль немецкой диаспоры в производстве и продаже сельскохозяйственных орудий и машин в Украине в XIX в. // *Вопр. германской истории.*– Д., 1995.– С.77.
- ²² Greene J. Pursuits of Happiness. The Social Development of Early Modern British Colonies and the Formations of American Culture.– Chapel Hill, 1988.– P.167.
- ²³ Макс Вебер и методология истории (Протестантская этика).– М., 1985.– Вып.2.– С.215–216.
- ²⁴ *Полный свод законов Российской империи.*– Т.26.– №19492.
- ²⁵ Там же.– №19492, 19873.
- ²⁶ ГАОО.– Ф.93, оп.1, д.184, л.34–34 об.
- ²⁷ *Свод законов Российской империи.*– С.Пб., 1857.– С.3–98.
- ²⁸ Венгер (Осташева) Н.В. Формирование торгово-промышленной элиты на территории меннонитских колоний Юга Украины (вторая половина XIX в. – 1917) // *Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871–1941 гг.*– М., 2002.– С.158.
- ²⁹ *Государственный архив Днепрпетровской области.*– Ф.134, оп.1, д.151, л.282; д.187, л.296 об.; д.223, л.8.
- ³⁰ Булдаков В. Имперская этнофобия // *Родина.*– 1995.– №7.– С.24.
- ³¹ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений.– С.Пб., 1999.– С.56.
- ³² Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении.– С.Пб., 2000.
- ³³ Венгер (Осташева) Н.В. Формирование торгово-промышленной элиты...– С.163.
- ³⁴ Венгер Н.В. Возникновение и развитие частной предпринимательской деятельности на территории меннонитских колоний первой половины XIX в. // *Вопр. германской истории.*– Д., 2002.– С.47.
- ³⁵ Падалка Л. Землевладение немцев – бывших колонистов в Херсонской губернии // *Сб. Херсонского земства, 1891.*– Херсон, 1891.– №6.– С.17.
- ³⁶ Велицын А.А. (Палтов А.А.). Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России.– С.Пб., 1893.– С.125; *Вестник Европы, 1866.*– Т.3.– Ч.4.– С.710.
- ³⁷ Падалка Л. Землевладение немцев – бывших колонистов в Херсонской губернии.– С.19.
- ³⁸ *Двадцать третье очередное Екатеринославское уездное земское собрание.* 5–10 октября 1889 г.– Екатеринослав, 1891.– С.42.
- ³⁹ *Систематический свод постановлений Екатеринославского губернского земского собрания.* 1860–1913 гг.– Екатеринослав, 1916.– С.708; *Двадцать третье очередное Екатеринославское уездное земское собрание.*– С.44.

- ⁴⁰ Шевич Н.А. Землевладение причерноморских немцев в Одесском уезде (вторая половина XIX в. – 1917) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности.– М., 1999.– С.55, 57.
- ⁴¹ Памятная книга и адрес-календарь Екатеринославской губернии. 1889.– С.227; *Екатеринославская губерния: памятная книга и адрес-календарь на 1900 г.*– Екатеринослав, 1899.– С.132; *Список фабрик и заводов Российской империи.*– С.Пб., 1912.– С.219.
- ⁴² *Список фабрик и заводов...*– С.214, 220, 221, 262, 264; *Оль В.П.* Иностранные капиталы в России.– Пг., 1922.– С.76.
- ⁴³ *Бонвеч Е., Дуда Г., Розе О.* Они были не только противниками. Русские и немцы на протяжении двух столетий.– М., 1990.
- ⁴⁴ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания / Под ред. проф. А.А.Кизеветтера // Архив русской революции.– М., 1993.– Т.22.– С.35.
- ⁴⁵ *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in an Industrial Society.– L., 1969.
- ⁴⁶ *Синкевич З.В.* Социология и психология...– С.53.
- ⁴⁷ *Русский вестник.*– 1899.– №11.– С.379.
- ⁴⁸ *Свод законов Российской империи.* 1857.– С.3–98.
- ⁴⁹ *Шадрт А.* Правовой статус немецких колонистов в России XVIII–XIX вв. Состояние вопроса и постановка проблемы // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871–1941 гг.– М., 2002.– С.15–29.
- ⁵⁰ *Русских Е.В.* Распространение русского языка в немецких колониях на Волге до 70-х годов XIX века // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге.– М., 1995.– С.313–318; *Русских Е.В.* Центральные русские училища в немецких колониях на Волге (с момента создания и до конца XIX в.) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения.– М., 1996.– С.301; *Бобылева С.И.* Система образования немецких колоний начала XX века и «ликвидационные законы» // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг.– М., 2000.– С.101.
- ⁵¹ *Валуев П.А.* Дневник 1877–1884 гг.– Пг., 1919.– С.61–62.
- ⁵² *Дородницын А.Я.* Миссионерский съезд Духовенства Екатеринославской Епархии // ЕЕВ.– 1897.– Октябрь.– №29–30; Ноябрь.– №31.– С.744.
- ⁵³ *Синкевич З.В.* Социология и психология...– С.108.
- ⁵⁴ *Урс Альтерманн.* Этнонационализм в Европе.– М., 2000.– С.42.
- ⁵⁵ *Rosenberg H.* Grosse Depression und Bismarckzeit.– Frankfurt a.M., 1976.– S.56 f.
- ⁵⁶ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа.– С.Пб., 1870; *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе по поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России».– С.Пб., 1870; *Велицын А.Д.* Немецкое завоевание на юге России // Рус. вестник.– 1890.– №1, 2.
- ⁵⁷ *Отчет Екатеринославского епархиального училищного совета* о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Екатеринославской Епархии на 1892/93 учебный год.– Екатеринослав, 1894.
- ⁵⁸ *Красный архив.*– 1929.– Т.2 (27).– С.215.
- ⁵⁹ *Синкевич З.В.* Социология и психология...– С.156.
- ⁶⁰ *Бердяев Н.А.* Душа России.– М., 1990.– С.18.
- ⁶¹ *Русский вестник.*– 1899.– №11.– С.809.
- ⁶² *Оболенская С.В.* «Немецкий вопрос» и представление в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия.– М., 2001.– С.179.

- ⁶³ *Муравьев М.* Вступительное слово // *Немецкое зло* / Под ред. М.Муравьева.- М., 1915.- С.3.
- ⁶⁴ *Миллюков П.Н.* Воспоминания.- М., 1991.- С.394.
- ⁶⁵ *Нелипович С.* Источники по истории немецких колонистов России в годы Первой мировой войны. (Обзор документов Российского государственного военно-исторического архива) // *Российские немцы: Историография и источниковедение*. - М., 1997.
- ⁶⁶ *Михайловский Г.М.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920.- М., 1993.- Кн.1.- С.68.
- ⁶⁷ Там же.- С.81.
- ⁶⁸ Там же.- С.69.
- ⁶⁹ Там же.- С.68.
- ⁷⁰ *Васильев А.Ф.* Задачи и стремления славянофилов // *Благовист.*- 1890.- Вып.5. Октябрь.- С.135.
- ⁷¹ *Немецкий шпионаж в России* // *Родина*.- 1993.- №5.
- ⁷² *Курлов П.Г.* Гибель императорской России.- М., 1991.- С.209-210.
- ⁷³ *Резанов А.С.* Немецкое шпионство.- Пг., 1915.
- ⁷⁴ *Бобылева С.И.* Материалы Особого Комитета как источник по истории судеб немецкого населения периода Первой мировой войны // *Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871-1941 гг.*- М., 2002.- С.495-505.
- ⁷⁵ *Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны.* Бумаги А.Н.Яхонтова (Записки заседаний и переписка).- С.Пб., 1999.
- ⁷⁶ *Миллюков П.Н.* Воспоминания; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания / Под ред. А.Л.Паниной.- М., 1997.- Т.2; *Борьба с немецким засильем.* Речь члена Государственной думы А.Н.Хвостова в заседании 3-го августа 1915 г.- Пг., 1915; *Немецкое зло*.
- ⁷⁷ *Сибирский Н.* Немцы на Юге // *Исторический вестник*.- 1914.- Дек.
- ⁷⁸ *Михайловский Г.М.* Записки...- С.157.
- ⁷⁹ Там же.- С.179-180.
- ⁸⁰ Там же.- С.144.
- ⁸¹ Там же.- С.143.

Надійшла до редколегії 24.12.03